Уильям **БРУМФИЛД**

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ И МОЙ ПОЛЁТ В КОСМОС

Где я был 12 апреля 1961 года и что я помню о том событии, которое изменило наше отношение к космосу? Конечно, я помню сюжеты новостей о героическом полёте Гагарина и о политических последствиях этого события. Да, это считалось победой безбожного коммунистического режима. Да, неугомонный Никита Хрущёв, в чьей фамилии многие американцы делали ударение на первый слог, сразу объявил, что Юрий Гагарин не видел в космосе никакого бога. Но наша страна тоже отправила в космос первый спутник, в январе 1958 года, и, думаю, мы подхватили темп этой гонки. И в конце концов разве не мы удержали свои позиции в Берлине и Корее? Но я помню и дружелюбное, открытое лицо Гагарина. Нормальное лицо, улыбка победителя, а не безжалостного врага.

Сказать по правде, я не слишком много помню о том важном событии мировой истории. В ту пору я заканчивал предпоследний класс в средней школе маленького городка в штате Джорджия и наша семья планировала переехать в город в соседнем штате. Когда я ехал оттуда со своими мамой и сестрой, меня отвлекла влетевшая в машину пчела. Моя мать увидела, что машина на извилистой дороге прямиком направляется в канаву с красной глиной, она попыталась схватить и повернуть руль, но было слишком поздно. Когда мы влетели в злосчастную канаву, руль дёрнулся, и она сломала руку. Я был в шоке и отчаянии и помню только, как добрые люди, ехавшие той же дорогой, доставили мать в ближайший госпиталь, а наш потрёпанный «шевроле» 1958 года выпуска со мной и сестрой отбуксировали домой. Этот ужасный случай я до сих пор помню как вчера. Именно такие события резче врезаются в нашу память, а не полёты в космос.

Однако было бы недальновидно отрицать значимость эпохального прыжка Гагарина для моей собственной личности. Жизнь — это дорога непрямая, и всё в ней взаимосвязано. Почему, собственно, я стал интересоваться Россией? После моих лекций меня обычно спрашивают, нет ли у меня русских корней. Ничего подобного. Откуда же тогда этот непреодолимый интерес, который вот уже более сорока лет влечёт меня по широким просторам России, от Смоленска и Архангельска до Владивостока? Со временем я выработал несколько стандартных ответов, но все они формальны, и я продолжаю размышлять над тем, что заставило меня двигаться в таком необычном направлении.

Начну с начала: я родился в городе Шарлотт в штате Северная Каролина и был первым ребёнком в семье Полин Элизабет (1917–1997) и Льюиса Флойда Брумфилдов (1895–1975). Это случилось 28 июня 1944 года, через три недели после высадки союзных войск в Нормандии. Моя мать часто рассказывала мне о волнующем звуке церковных колоколов, звонивших в тот день — 6 июня. Хотя наша американская земля была нетронута врагом, времена были неспокойные. В первые несколько лет моей жизни мы постоянно переезжали, и отец постоянно искал работу в отдалённых городах.

Положение нормализовалось после моего пятого дня рождения, когда мы прибыли на север Джорджии, в город Гейнсвилл. Как и многие другие городки Джорджии, Гейнсвилл имел в пятидесятых своё тихое очарование, равно как и вездесущую бедность среди как белого, так и чёрного населения. Из нашего недостроенного кирпичного дома на окраине города я запросто уходил в поля, пересечённые оврагами с той самой красной глиной. Вокруг были рощи со стройными соснами и высокими дубами, вдалеке — заросший пруд на заброшенной ферме. Повсюду раздавалось стрекотание чёрных сверчков. Однажды змея, возможно медянка, укусила меня, когда я возвращался по высокой траве с пруда. Но укус привёл лишь к покраснению и обширному отёку на лодыжке, на другой день я даже смог пойти на воскресную службу.

Наша семейная жизнь счастливой не была. Это очень личные моменты, и даже если бы я понимал причины этого (что-то из-за предыдущего отцовского брака), я бы не написал об этом. Родители часто ссорились, и отец уходил из дому на несколько месяцев. В моём детстве он жил с нами только короткими периодами. Возможно, поэтому есть связанные с ним некоторые моменты, которые я помню очень ясно. Например, как-то утром я, мальчишка лет 9–10, играл с игрушечными солдатиками — американцы против русских коммунистов. Вдруг мой отец неожиданно сказал: «Сынок, мы никогда не будем сражаться с русскими». На чём основывалось это его однозначное

Льюис Флойд Брумфилд. 1918 г.

мнение, которое удивило и смутило меня? Мой отец ведь был консерватором с юга — кем угодно, но не леваком-либералом. Откуда же он знал, что мы никогда не будем вести войну с Россией? Но он знал это совершенно точно и не от кого-то, а на основе собственных размышлений и собственного опыта.

Когда США в 1917 году вступили в Первую мировую войну, мой отец покинул семейную ферму на юго-востоке Луизианы и был зачислен в морскую пехоту. Это был август 1917 года. Пройдя обучение на базе Пэррис-Айленд в Южной Каролине, в октябре 1917-го он получил специальность стрелка. В мае 1918 года отца переправили во Францию, где он служил до конца войны в 6-м полку морской пехоты в составе морской бригады 2-й американской дивизии. Он участвовал в двух самых важных наступательных операциях на американском участке фронта: в Сен-Мийельской операции (сентябрь 1918-го) и в наступлении в секторе Мёз-Аргонн (октябрь 1918-го). За доблесть он был награждён тремя «бронзовыми звёздами» и тремя медалями за участие в этой кампании. В ноябре 1918 года отец дошёл до Рейна, затем провёл шесть месяцев с оккупационными силами в Кобленце (эта информация взята из послужных списков).

Я ожидал услышать от него истории о героизме на полях сражений, но отец не-

охотно рассказывал о войне, научившей его жестокости. Вспоминая оккупацию, он говорил, что немцы, которых он встречал, вели себя сдержанно и скромно, но немецкие офицеры, напротив, были охвачены желанием отомстить. Он никогда не забывал об этом, когда в 1930-е годы слушал по радио передачи о возвышении Гитлера и фрагменты маниакальных речей диктатора.

Он также помнил чувство симпатии, которое испытал к русским солдатам, содержавшимся в переполненных и грязных французских лагерях для интернированных. Это были воины, служившие в русских частях в составе французской армии на Западном фронте и интернированные после Октябрьской революции. Несмотря на отсутствие общего языка, встреча лицом к лицу вызывала симпатию к русским. В конце концов они были нашими союзниками. В детстве это отцовское мнение меня озадачивало, но я никогда не забывал о нём.

Как и моя мать, я считал себя набожным и последовательным христианином и с подозрением относился к мирским радостям. В раннем подростковом возрасте я ежедневно читал Библию по заданной норме; в итоге прочёл всё три раза с начала до конца. Так я впитал великолепный английский язык XVII века «Протестантской Библии» в переводе короля Якова I. Мать постоянно жертвовала собой ради меня и сестры Кэрол, нас она растила на мизерную зарплату школьного учителя из северной Джорджии. Деньги были извечной проблемой из-за редких взносов постоянно отсутствующего отца.

Отдушиной после семейных ссор и учебных повинностей были ежегодные поездки к родственникам матери, жившим в том Пьемонте, что в штате Северная Каролина. Я не переставал удивляться контрасту между нашими низкорослыми соснами с севера Джорджии и теми же соснами, но с длинными иголками из Северной Каролины, особенно из чарующего города-курорта Саутерн-Пайнс, где жила одна из сестёр моей матери — элегантная и красивая женщина, которая умерла в таком раннем возрасте — в 47 лет.

С первого взгляда ничто в этом рассказе не указывает и даже не намекает на интерес к России. Но всё сошлось. В средней школе я изучил латынь, которая подготовил меня к сложным падежам русских существительных. Поездки в скромную городскую библиотеку покорили меня рассказами о великих лидерах и мировых конфликтах. Моё чтение было сосредоточено на том, что на американском Юге именуется «войной между штатами». Я хорошо помню четыре больших красных тома биографии генерала Роберта Ли авторства Дугласа Соутхолла Фримана.

А ещё был роман Маргарет Митчелл «Унесённые ветром», рассказывающий о высокомерии и надменности в нашем штате Джорджия, где люди продолжали говорить о «марше к морю» генерала северян Уильяма Шермана. Как близко к сердцу я принял рассказ Митчелл об Атланте, объятой пламенем и возрождающейся! Позже я обнаружил другую толстую книгу — издание «Войны и мира» Толстого с приложением в виде документов, отражавших вторжение Наполеона в Россию и его бесславное бегство из Москвы. Позже я нашёл точно такие же свидетельства относительно похода на Москву Гитлера. Неожиданно я обнаружил то, что было достойно моего юного ума с американского Юга: меня вдохновляли истории о героических полководцах и непоколебимых городах.

Захваченный эпическим романом Толстого, я позже открыл для себя и Достоевского. Герои «Преступления и наказания» дали пищу моему юному воображению — как и многим другим молодым людям (хотя во вступлении к «Запискам из Свенборга», написанном 4 октября 1934 года, Вальтер Беньямин писал, что Бертольт Брехт предупреждал его о том, что чтение «Преступления и наказания» опасно для здоровья и может привести к психической болезни). Если Толстой помог понять судьбу Юга, то Достоевский, казалось, объяснял причины конфликтов, разрушивших мою семью. В этих великих произведениях люди были так же ничтожны, как это было в реальности, но они жили с надеждой и верой! И был этот вдохновляющий полёт Гагарина — триумф надежды.

Через два месяца после прорыва в космос Юрия Гагарина, летом, накануне последнего школьного года, моя семья переехала в Колумбию, столицу соседнего штата Южная Каролина. В Колумбии мне повезло с замечательным учителем английского, который познакомил меня со стилистикой письма и поощрял чтение русской литературы.

К тому времени, как я прибыл в Университет Джонса Хопкинса осенним утром 1962 года, я был уже готов захворать «русской болезнью». Возможно, этот достойный университет сейчас более подходящее место для студентов, но в своё время я чувствовал там себя некомфортно из-за того, что все вокруг были помешаны на медицине. Я был белой вороной, поскольку выбрал курсы по русскому языку вместо столь популярных медицинских предметов.

Уильям, Полин Элизабет и Кэрол Брумфилды. Апрель 1961 г.

Итак, я начал формально изучать русский язык в университете. В 1960-е годы программа по русскому была сильно урезана и её представлял лишь один преподаватель, да и тот внештатный. Мой выбор был сделан частично из-за желания избежать всеобщего увлечения медициной и найти что-то особенное. Маленькие группы по русскому языку позволили мне познать язык великой литературы, которую я начал читать в средней школе. «Евгений Онегин» был моим первым учебником, ведь никакой особой методики тогда не существовало.

Специализация по русскому языку в Университете Хопкинса в наши дни неожиданно исчезла, как и многие другие программы в американских вузах в последние два десятилетия. С ослаблением холодной войны административная рациональность и бюджетные расходы заставили вузы сократить курсы русского или отказаться полностью от программ по русскому языку и истории. Административная логика предполагает снижение расходов на «убыточные программы», а американские слависты не всегда были эффективны в развитии новых подходов к русской культуре.

Тем не менее я верю, что каждый американский институт, претендующий на гуманитарную специализацию, должен иметь хотя бы одного преподавателя по русскому языку. Недостаточно того, что студенты, интересующиеся русским, будут искать университеты с полными программами по предмету. Многие студенты (включая меня) не выбирают заранее, но используют предлагаемые возможности. Всё, что требуется, — это один специалист. Без того скромного преподавателя по русскому языку в Университете Хопкинса в начале 1960-х годов я бы никогда не попал в мир славистики. Возможно, моя жизнь сложилась бы по более «нормальному» сценарию, но русская архитектура потеряла бы в таком случае одного из самых преданных энтузиастов…

Важным для меня в те первые годы в колледже была возможность найти нечто, подходящее именно для меня. Кроткий, мягкий характер моего первого учителя по русскому языку помог мне избежать монотонности академического соревнования. Но что же Юрий Гагарин? Его роль тоже важна… Нет сомнения, что его полёт усилил мой интерес к России, равно как и стимулировал развитие фундаментального изучения космоса в США. Спутник был первым шагом — Гагарин усилил эту тенденцию. Сейчас я понимаю: Юрий Гагарин привёл меня в свой космос, и этим космосом была Россия…

Новый Орлеан — Москва, март 2011
Перевод Елены Лопатиной